

Nuala Ni Dhomhnaill
Нула Ни Гоннал

Кость

Когда-то я была
костью,
лежала на песке
среди скелетов.
На пустынной равнине,
среди валунов и гальки,
я была костью,
голой, белой.

Пришел ветер,
вздых стихий,
он вдохнул в меня
душу.
Я превратилась в женщину,
по образцу той,
что была скроена из адамова ребра.

Пришла буря,
сила стихий.
Под грохот грома
до меня доносился твой голос,
звавший меня.
Я стала Евой,
матерью народов.
Я продала свое первородство
за моих детей.
Я обменяла яблоко
на вождение древних времен.

Я все еще
кость.

Лиса

Лисичка рыжая,
рыжая, рыжая, рыжая, рыжая,
как так вышло, что ты не знаешь —
и пока ничего от этого не теряешь —
что, какой дорожкой тебе ни идти,
в лавке меховщика
конец твоего пути?

Мы, поэты, тоже
чем-то на тебя похожи.
Говорил Джон Берримэн,
что однажды Готфрид Бенн
сказал: наша кожа подобна обоям,
и не выиграть
жизненный бой нам.

Будьте осторожны,
меховщики,
понапрасну не тяните ко мне руки:
я не кроткая зайчиха,
я лиса далеких гор,
и тому, кто дает мне пищу,
я вцепляюсь зубами в голенище.

Мать

Ты подарила мне платье —
и потом забрала его у меня.
Ты подарила мне лошадь —
и в мое отсутствие продала ее.
Ты дала мне арфу —
и потом попросила ее назад.
И еще ты дала мне жизнь.

На вечеринке у скупого О'Брайана
каждая крошка на счет.

Что бы ты сказала,
если б я порвала платье,

утопила лошадь,
сломала арфу
и затянула струны жизни
вокруг моего горла?
Если б я спрыгнула
с утеса?
Я знаю,
что бы ты сказала.

Со средневековой методичностью
ты бы послала в газету
извещение о моей смерти,
а в медицинском свидетельстве
написала бы следующее:
«Неблагодарная шизофреничка».

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Нула Ни Гоннал — поэтесса. Родилась в Англии в семье эмигрантов из Ирландии, воспитывалась в Ирландии, в графстве Кэрри. Пишет на гэльском (ирландском) языке. В 1999 году выступала в Москве в рамках фестиваля ирландской поэзии.

Julie O'Callaghan
Джули О'Каллахан

Галерея «Лонг рум»

(Тринити-колледж, Дублин)

Здесь, в Галерее,
можно дышать лишь
воздухом прежних времен.
Сегодняшний воздух поступает
в одно легкое,
воздух 1783 года выходит из другого.
Что же до призраков,
постойте неподвижно –
и вы почувствуете, как они
шевелиются у самого вашего уха.
Туристы там, внизу,
думают, что лицезреют привидение,
когда наблюдают, как вы проплываете
сквозь книжные стеллажи
у них над головами.
На скрипучем деревянном балконе
вы прокладываете туннель сквозь столетия,
уходящие ввысь, как горы.
Вы можете взобраться по приставной лестнице
на самые вершины знания
или поискать заложенные в книгах
маленькие белые листки –
например, записку, нацарапанную
Джонатаном Свифтом.
Древний кислород,
частицы старинной пыли,
окаменевшая древесина...
Кого ты обманываешь?
Ты принадлежишь к тем, что внизу:
бейсбольные кепи, жвачка, видеокамеры.

Дом

Восход солнца в Иллинойсе
властно заставляет меня ощутить себя чужой
здесь, посреди прерии, в этой своей машине,
мчащейся на север, в Чикаго,
куда некий ирландский парень
вздумал направиться сотню лет назад.
Потому-то я и еду туда, куда еду,
а не в какое-нибудь другое место.

Этот парень управляет моей жизнью,
определяет курс моего авто.
Нацелился бы он когда-то в Бостон –
я и ехала бы сейчас именно туда.
Забавно, что мы позволяем кому-то
решать за нас, где мы должны находиться, снабжать
нашу речь акцентом, заставлять нас жить
посреди полей, засеянных кукурузой и сеном.

В кафе при стоянке грузовиков
я пью кофе из огромной чашки
и пытаюсь представить себе, как сельские жители,
что сидят слева, и военные за моей спиной
так же, по воле случая, были заброшены
сюда, в самое средоточие пустоты.
И мы, простодушные,
теперь называем это место домом.

Рогалики и снег

Мне не хотелось бы снова,
как когда-то,
сидеть в книжном магазине
в январский день
и есть рогалики
с моей сестрой,
наблюдая, как падает снег
в деловом квартале Чикаго,
как вспыхивают огоньки,
испросив разрешение
у темноты.

Сестра пила какао
из огромной чашки,
за нашими спинами стояли успокаивающие
ряды книг; белые ласпочки
украшали зимние ветки за окном,
и трагедия еще не произошла.
Поэтому мне хочется оставить
все как есть: пусть снег
искрится, какао источает пар,
рогалики лежат в ожидании
на белой тарелке
как можно дольше.

Сделка

(из цикла «Памяти отца»)

Это стоило ему всего,
но он таки купил целый год.
И поскольку год теперь принадлежал ему,
Он владел небом,
вулканами
и каждой молекулой
Вселенной.
Конечно, дороговато, рассуждал он,
но – смотрите-ка! – всё теперь его.
Минуты и четверти часа –
вся длинная их вереница –
принадлежали ему,
и месяцы тоже, двенадцать долгих месяцев,
выстроившихся в ряд.
К тому времени, как
его отрывной календарь
похудел до двух листков,
он подготовил еще одну, надежнейшую сделку
касательно того,
что должно воспоследовать.

Спор с жизнью

Я спорю с жизнью.
Она говорит: «Чтобы обрести стойкость,
играй по правилам».
Я заявляю,
что не знаю, как
обедать в ресторане одной,
как получать удовольствие от вечеринок
и любить род людской.
Такие вот у меня недостатки.
Жизнь пробует другой подход:
«Ты же человек, правда ведь,
с этим ты не будешь спорить?
Можешь же ты один раз
пойти куда-нибудь с друзьями вечером,
что в этом такого ужасного?
Расслабься. Наслаждайся общением».
Я возражаю, что не могу.
И не хочу.
И никуда не пойду.
Я не просилась на этот свет,
о средоточие мудрости!

Биография

Опустим скучные подробности -
Наполеон, сражения
и всякая прочая ерунда,
к примеру, болтовня о европейской
политике тех времен.
О, зевотное!
Листаем дальше, вплоть до тех глав,
где чья-то незаконная дочь
выходит замуж за герцога
против воли его родителей,
и эти двое всю оставшуюся жизнь
проводят в странствиях,
пытаясь обрести совершенство.
Это мякоть, в которую можно вонзить зубы.

Творчество

На поэтическом семинаре
меня очень,
очень
хвалили.
Однако же
было трудно
открывать
тайники моих чувств
группке людей,
совершенно
мне не знакомых.
Но все-таки
это стоило того,
чтобы услышать
такие
отзывы.

Белый звук

Когда дождь
что-то шепчет –
это снег.

Впервые опубликовано в журнале «Иностранная литература» № 1, 2002

Пакет

Я ношу с собой
полиэтиленовый пакет с ручками.

Внутри – мои запасные части:

лишняя рука, пучок вен, кусок кожи на заплате.

Бывают дни – такие, как сегодня –
когда это все очень пригождается.

Впервые опубликовано в «Журнале ПОэтов» № 7(19), 2005

Джули О'Каллахан (р. 1954) - ирландка по происхождению и американка по рождению. Родилась в Чикаго, позже переселилась в Ирландию. В 1983 году в ирландском издательстве “Долмен пресс” вышла ее первая книга стихов, “Удобоваримые анекдоты”. Она была отмечена рекомендацией Британского поэтического общества. С тех пор у нее вышли еще пять книг стихов, взрослых и детских. Книгу стихов “Ни за что!” (2000) рецензент ирландской газеты “Айриш таймс” назвал лучшей книгой автора.

Mary O'Donnell
Мэри О'Доннелл

И вода проложила себе путь

В мою жизнь въехали
белые рыцари,
и кружили там, кружили.
Жеребцы их дрожали,
на бархатных мордах кипела пена.

Эти черные кони кричали,
их ноздри белели,
выражая страх и ярость всадников.
Они кружили вокруг шатров,
которых больше не было.
Они не могли забыть Карелию, Карелию.
Вот так
в мою жизнь вторгся журчащий поток.

Машина плоти

Когда это случилось,
хозяева жизни
вытекали из ее тела,
сновали туда и сюда
через ворота ее тела.
Сквозь нее, в ней
и вместе с ней.

Хозяева жизни
оставались близко,
когда она выздоравливала.
Ее хранители скапливались
вблизи ее усталого тела,
сконфуженного мозга.
Они носили ее
через площадь чрезмерности,

где не смеет показаться
ни одна женщина,
где нет покоя ее детской сути,
где карманы для того, чтобы в них шарить,
мужчины пускают ветры,
каждый цветок — ложе отдыха,
а лепестки его похожи на ночную сорочку
на вспоротой коже.

Целебное средство

Брат Сэди был миссионером в Гонконге.
Родные его жили в двухэтажном доме
С деревянными лучами солнца,
Обрамлявшими стекло входной двери.
Со стен старой хибары во дворе
Крошилась штукатурка.
Гнездо, что взрастило этих людей,
Теперь использовалось как коровник.

Брат исправно писал домой —
О семейных делах и об ирландских друзьях.
Сэди ничего не знала о Гонконге,
О противоядиях от старинных снадобий,
Продававшихся в насыщенных запахах комнатах.

Ее родные нашли свое собственное целебное средство
В китайской экзотике интерьера, забетонированном саде,
Беленых стенах и широких сетях оконных занавесей.
Деревянное солнышко остекленной двери
Всегда изображало восход.

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Сцены из прежизни

Корабль нерожденных дрейфует в космосе.
Стыковка по мере необходимости, перепончатые паруса
сворачиваются на мачтах костей.

В дороге у всех детей есть игрушки:
звезды, учат их, – это мерцающие огни
на корме, на носу. Цилиндры, остря, куски металла
блестят под галактическими солнцами.

В прошлом тысячелетии живет Эйнштейн, двигает
костяшки на счетах, мычит «М... м... м...», –
хладнокровно пересчитывая кончиками пальцев
малые миры, к превеликому раздражению
тех, для кого он всего лишь тупица.
На верхней палубе будущие певцы познают гармонию
обозревая космические сферы. Боно признает
превосходство Джильи, но жалуется, что свет
слишком ярк, прикрывает глаза ладонями.
Голландские шлифовальщики стекол проявляют к нему
интерес, сидя в песочнице, пытаясь угадать,
что за вещество просеивается меж их пальцами.
Да Винчи ощипывает крылья мертвых птиц.
«Хочу посмотреть, просто посмотреть», – бормочет он.

Сибелиус вынужден томиться в ожидании, пока Мендельсон
и Бетховен, пользуясь увольнительной на берег, развертывают
пасьянс концертов, подобных почтовым открыткам миру.
В кошмарных снах Сибелиус видит страну, запертую
в узком тазу России, – Швецию.

Он не одинок, другие тоже вынуждены наблюдать, дрейфуя,
ожидая вызова. Дождавшись, они застигнуты врасплох,
зачастую жестоко разбужены, бредут как лунатики.
Им советуют искать утешение в слепоте беспамятства,
в глухоте ушей, при рождении заткнутых воском.
Они хрупки, подавлены неизбежностью Прибытия.

С того момента, как ни странно, все люди – незнакомцы,
и жизнь на земле – это повторное узнавание,
поздняя проверка готовности к тому,
что большинству уже смутно известно:
неотвратимое возвращение,
страшная перспектива, и месть.

Волшебные деревья

Волшебные деревья – береза и рябина –
стоят часовыми вокруг сада.

Береза, женственная, как человеческая душа,
роняет чешуйки коры и вощеные
пальцеобразные сережки,
ее тонкие руки воздеты,
взывают к гармонии
солнечного света и жизненной силы.

Рябина, вся в цвету и соцветьях,
выставляет напоказ яркие ягоды лета,
пускает побеги, гордо прямит
свои гладкие ветви и мощный ствол,
ее статность неизменна с момента
укоренения. Она заимствует цвета
у луны в штормовой час
и у солнца на заре зимнего дня.
Мы же прячемся в четырех стенах,
выполняя предназначенное нам:
славить, беречь и передавать в поколениях
жизнь.

Обещание

Я не хочу отбрасывать
слишком много тени.
Непорядочно было бы использовать
как извинение
тот факт, что тень растет внутри меня,
дабы считать ее частью меня самой,
моей лишней конечностью.
Она – сама себе дерево,
поздне-зимний отросток.
Она вбирает солнечный свет ковшами.

Я стою сама по себе,
наблюдая, как она обрастает ветвями,
похожими на флейты, что играют аллегро.
Я ни за что не стану отравлять ей жизнь

попыткой присвоить ее,
или даже укрыть ее от лесника,
чья задача – следить, чтобы у каждого дерева
было достаточно пространства.

Впервые опубликовано в журнале «Окно» № 11 (14), 2013

Мэри О'Доннелл — поэтесса, прозаик, театральный критик, радиожурналист. Автор многих книг. Родилась в графстве Монахан. В настоящее время живет в университетском городке Мэйнут, неподалеку от Дублина.

Ciaran O'Driscoll
Киран О'Дрисколл

Дерево за моим окном

В дереве за моим окном
много комнат.

В одной Джеймс Джойс читает
продолжение «Поминок по Финнегану»
устрицам, жующим филей из мяса богачей
в ресторане «Дары моря».

В другой полный раскаяния Папа Римский
одобрительно кивает
марксистским богословам
тенистых созвездий.

Еще в одной подобострастный дворовый пес
с миндалевидными глазами
берет вечернюю газету
изо рта бывшего хозяина,

а в это время перувианские дети
бросают свои попрошайнические котомки
и, визжа от восторга,
взбираются на верхние ветви.

О волшебный эль, что красавцы-мертвецы
распивают внутри дерева под моим окном!

Его темь зелена, и его колышущееся серебро —
звездный свет.

В саду многовариантного будущего

В саду многовариантного будущего
никто не думает о глубине интеллекта
и глубине вины — в самом широком смысле,
хотя по какой-то неизвестной причине
садовник опрыскивает свои ботинки.

Пока Катрина вызывает по телефону такси,
сладкое томление слив и персиков
ранит сердце заядлого рыболова, которому
катастрофически не хватает настойчивости,

заядлого удильщика слив и персиков,
что опрыскивает свои ботинки в глубине сада
многовариантного будущего.

Пока Катрина ждет такси,
ее отец, еще один заядлый рыболов,
недвижный сом своей рисовальной студии,
присосался к послеобеденному бокалу бренди.

Никто здесь не думает о глубине интеллекта
и глубине вины — в самом широком смысле.
В глубине сада многовариантного будущего Катрина
видит дурные сны, где звучат колыбельные песни.

Бог дождя

Этой ночью бог дождя повелел:
не быть ничему кроме дождя.
Зелень листвы на переднем плане
уже избрала самый густой свой оттенок,
поверхности предметов потемнели,

и позади последнего фронтона последнего дома
сереет вечер, не вполне уверенный
в близком присутствии города.

Огни слабо пульсируют в
наплывающих друг на друга далеких окнах,
намекают, что их больше, чем кажется.

Звуки — это еще не все
в полуночном царстве дождевого бога.
Среди всех глаз его любимые —
глаза людей под фонарями.

Киран О'Дрисколл — поэт. Родился в графстве Килкенни. Живет в городе Лимерик. Преподает на факультете искусств и дизайна местного университета. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат премии имени Джеймса Джойса.

Mary O'Malley
Мэри О'Мэлли

Изъятая из истории

Чтобы понять загадку измеримого времени,
вспомним женщину
шестнадцатого столетия.

Один отсутствующий росчерк пера —
и она изъята из истории.

Лишь после того, как о ней три века пели песни,
она была вписана в историю снова.

Рассказ о ней заглушает
хоры поколений,
и он же стихает до негромких
слов отца, обращенных к дочери.

Она и изменила ход истории —
тихая девочка,
которой отказано от дома.

Она сидит на скале,
и скалу эту точит море.

На ней кофтенка — будущая мантия.
Флотилия рыбацких судов и испанские каравеллы
танцуют под звуки ее смеха.

Требуется муза

Ты молода, длиннонога, женского пола?
Таят ли загадку твои глаза? Они могут быть
любого цвета, но чем темнее, тем лучше.
Ученая степень не обязательна,

но грамотность важна — тебе придется читать
то, что поэт пишет, отличать его сильные стороны
от признаков стиля — анализ не обязателен.
Пригодится улыбка — чтобы писали: «Она улыбалась»,

а еще способность появляться под вуалью
утреннего тумана, сопровождая поэта

в сельских странствиях —
видения ведь вышли из моды в городах.

Ты блондинка? Хорошо. Брюнетка? Еще лучше.
Важно любить путешествия и дешевое вино,
уметь возбуждать страсть к писательству.
Что же до волос, их можно покрасить.

Ты молод, длинноног, мужского пола, с би-
лингвистическими способностями? В поэзии нет дискриминации.
Бицепсы и склонность к садоводству существенны. Вдыхай,
если тебе хочется, но помни: поэты ценят мускулистость.

Скрипач

Он укладывает скрипку в подбородочную колыбель,
устраивает поудобнее, как младенца, —
и боярышник гнется под тяжестью ягод.

Вот он поднимает смычок, пробует, насколько
сладок или насыщен воспоминаниями воздух —
и серебро сверкает в чистой реке.

Смычок на мгновение вздрагивает,
легкий, как щепка на водах залива.
Заставит ли он нас танцевать жигу

или сольет все наши тайные горести
в один плач,
чтобы укачать нас и успокоить?

Он берет первую ноту.
Вспархивают птицы, ноги отбивают такт,
три форели успокаивают бурный водопад.

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Мэри О'Мэлли — поэтесса. Родилась в графстве Голуэй. Живет в городе Мойкуллен, преподает английский язык в школе.

Frank Ormsby
Фрэнк Ормсби

Яблоки

Нормандия, 1944

В квадрате Д 10 или Д 12 нам встретился
художник-баталист, рисующий яблоки.

«Надоели танки, – сказал он. – Осточертели руины.
Не могу видеть мертвых солдат, и бойцов на марше,
и воинов на привале.
По правде говоря, устал рисовать и беженцев.
Хочу рисовать яблоки».

Все, что известно о нем сейчас, –
он все еще сидит под деревом где-нибудь
между Сенной и Омахой или, покрасневшись от удовольствия,
шагает мимо заброшенных блиндажей к бурелому.
В блокноте – подробные студии, делающие его
Одюбоном французских яблок.

Но может быть, он пытается вымечтать
единственное яблоко – совершенное, планетоподобное, –
плод своего воображения.

Впервые опубликовано в книге "Мед и мазут: шесть ирландских поэтов", М., изд-во Б.С.Г., 1999

Приходи как ты есть

Напутствие новорожденному

В тебе никто не ищет идеал совершенства.
Приходи как ты есть.
Не как многообещающий дебютант,
не как надежда нового века,
наследник великих традиций,
носитель бремени.
Прерви тягостное ожидание.
Приходи как ты есть,
когда твой день, твой час настанут.
Что будет после – увидим.

Впервые опубликовано в «Журнале ПОэтов» № 7(19), 2005

Фрэнк Ормсби родился в 1947 году на севере Ирландии, в городе Эннискиллен в графстве Фермана, живет в Белфасте, где в свое время получил образование в университете Куинз. Возглавляет кафедру английского языка в одном из университетских колледжей Белфаста. Известен также как антологист ирландской поэзии. В течение двадцати лет редактировал литературный журнал «Честный ольстерец». Опубликовал три книги стихов: «Свечной склад» (1977), «Северная весна» (1986) и «Призрачный поезд» (1995). В 1999 году участвовал в фестивале ирландской поэзии в Москве.

Cathal O Searcaigh
Кахал О'Шарки

Снег

Тому Уэлшу

В те светлые зимние дни
я незаметно ускользал из дома на рассвете.
Хлопья снега опускались наземь как белые тучи.

Пейзаж был странен, напоминал пустыню.
Холмы походили на дюны, сараи
оседали как горбы спящих верблюдов.

В такие утра меня переполняла радость -
безмолвная белизна вокруг
меняла картину привычного мира.

Эта снежная страна, чистая страница,
искушала мальчика оставить
свой собственный отпечаток на белизне мироздания.

Кресло

Оно
никогда не отдыхает,
стоит -

спокойное, хладнокровное,
собранное -

и ждет,
когда мы уделим ему внимание.
Оно безмятежно,

оно делает все,
чтобы доставить нам
удовольствие.

Иногда
ему хотелось бы
присесть самому,
расслабиться,
вытянуть ноги,
зевнуть и размять
тугие свои деревянные кости,
скрестить руки-подлокотники
и слушать духовой оркестр
своих воспоминаний,
размышляя при этом о древесном боге,
от которого оно ведет происхождение.

Сейчас, когда кошка
умывается у его ног,
оно ощущает,
как по его жилам
разливается
древесный спирт
и ветер
щекочет тело.
Дрожа,
оно вкушает
удовольствие,

однако,
как всякий хороший слуга,
даже в такой момент оно начеку,
прочно стоит на земле,
его осанка,
степенная и сдержанная,
выражает покорность,
готовность услужить.

Но однажды
оно распадется на куски,
бедное создание,

и его деревянное сердце
разобьется.

Времена года

Среди холмов - летний ливень.
Дробь капель - будто доят
тысячу коров.

Зимняя белизна холмов.
Соломенные крыши набухают от мороза,
из каждого их вымени сочится молчание.

Человек странной профессии

Вчера днем
он садовничал вдали от дома,

ухаживал за новыми побегами
в саду собственной Музы.

Он распутывал
клубки корней,

выпрямлял покосившиеся пни
своего воображения,

затем скрестил шпаги
с сорными травами. Вскоре

он уже поправлял
ветви образов

и осторожно окапывал
отростки второго смысла.

Оцените,
как он работает в ограде книги,

оглядывает готовый труд
и ждет пришествия

бесплотной Музы,
способной заставить сей сад

огласиться музыкой,
что могла бы приманить сюда птиц.

Заметки психиатра о боге

Дезу Линну

Все дни и все вечера
он стережет врата Рая.

Он изгоняет собственную семью - Еву и Адама -
за то, что они своего пищевого рациона придерживались упрямо.

Как впоследствии выяснится, он, как, может быть, и я,
неравнодушен к яблочным пирогам. Устал ли он от бытия,

или с ним творится что-то еще? Неясно,
поскольку он отказывается подвергнуться психоанализу

или врачебному наблюдению, постоянному и не напрасному.

Впервые опубликовано в журнале "Новая юность" № 6 (51), 2001

Возвращение изгнанника

Вечером он вернулся в пустующий дом.
На пороге в сиянии луны – темная тень дерева,
которое он посадил когда-то.
Теперь это старое дерево.

Кто позаботиться о стихотворении?

В бестрепетной ночи я дал жизнь –
отнюдь не прозой –
ребенку моего разума.

Я оставил его у дверей Судьбы,
дитя любви, рожденное быть.

Впервые опубликовано в "Журнале ПОэтов" № 7(19), 2005

Кахал О'Шарки родился в 1956 году в графстве Донегол, в северо-западной части Северной Ирландии, входящей в состав Ирландской республики. Живет в графстве Донегол, в городке Гортахорк у подножия горы Эрригал. Пишет на ирландском (гэльском) языке. У него вышло 8 книг стихов и книга о путешествии по Непалу.

Paul Perry
Пол Перри

Письма к незнакомцу

Они падали
как камни в колодец
без воды. Своего рода
дневник, потерянный, нечитанный.
Слова, что говорят немного
и остаются непонятыми,
слова, заставляющие вспомнить
о темных глубинах голоса,
о зарытых в землю зеркалах.
Слова, подобные эху
в яме с металлоломом.
Подобные робкому стуку в дверь
человеческого духа.

Дорогой мой,
я писал сии безответные письма
и посылал их в дом, над которым
склонились деревья. Здесь
письма томились по долгому раздумью,
взывали к взаимопониманию, пытались
наладить общение.
Сейчас остается сказать лишь одно,
в медленном темпе самих этих писем:
не возвращайся сюда. Здесь,
в прихожей этого дома, все еще лежат те письма,
и подпись под каждым — отверстая рана.

Рыжие псы графства Уиклоу

Мы шли из Тереньюра в Темпелоуг по длинной улице.
Деревья очерчивали контуры дороги;

их ревматические суставы ныли от холода и сырости.
На тротуаре лежала лиса, головой в лужу,

темная ржавая щетина ее намокшего меха
застыла на ветру, как ожерелье из когтей.

Я хотел перенести лису в поле за оградой,
где трава и опавшие листья отдали бы ей

свой цвет, когда она будет спать вечным сном,
вспоминая рыжих псов графства Уиклоу

и их снежно-войлочную поступь, когда они уходили во тьму
за нашими дверями. Но мы стояли в нерешительности,

боясь подцепить инфекцию, сами коченея от холода.
Мы стояли над телом лисы, и, вместо слов благословения,

молча думали о том, что вещи уходит из нашей жизни.
Наконец мы пошли дальше, унося с собой наши душевные раны —

чтобы было что нянчить и лечить. Когда мы почти уже
пришли в Темплоуг, я почему-то обернулся —

и увидел лису — живую! Она пряталась за деревом, потом
стала метаться из стороны в сторону, во всех направлениях.

Прогулка

(по Шагалу)

Я мазок молнии
над ячменной гаванью
работать кистью под звуки дождя —
это моя религия моя новая
синяя певучая религия
мы гуляли
и выросли слишком большими для города
мы гуляли
над домотканными холмами вышитыми холмами
мы покинули этот город
загнанный в угол город
то не ветер унес тебя в небеса
я держал твою руку я управлял твоим полетом
то был не ветер
я радовался я улыбался

ты летала как воздушный змей
послушный моим пальцам
ты говорила о яблоках звезд
о плодах упавших из далекого
предзвездного прошлого
у каждого была съедобная
вкусная мякоть
вызывающая ночные видения
при дневном свете

и можно было целыми днями
не спускаться на землю

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Пол Перри — поэт. Родился и живет в Дублине. Длительное время жил в США. Автор двух книг стихов.

Gerard Reidy
Джерард Риди

Предчувствие

Звон дверного колокольчика перед рассветом -
и я просыпаюсь после сна, в котором
"Титаник" пришвартован посреди кухни,
а в камине вырос айсберг.
Никого.
Два лебедя спят в пурпурном море,
покой покачивается на лунных волнах.
Снежинки занимают очередь, чтобы приземлиться
в заливе. Рисуют контуры
то ли огромной наковальни, то ли хвоста
одного из давно покинувших эти места китов.
На перекрестке дорог - два указателя на Клифден,
стрелки нацелены в противоположные стороны.
Еще рано вставать,
и уже поздно возвращаться в постель.
Первый утренний ветерок ерошит крону березы.
Я читаю спортивную полосу вчерашней газеты:
"Манчестер юнайтед" победил 3:2 по сумме двух матчей.
Раздается скрип моей моторной лодки, но ее еще не видно.
Пока я пью кофе, разыгрывается шторм.
Через камин залетают градины.
Моя безмолвная лодка толкается в дверь
в нетерпеливом ожидании.

Заросли крапивы на дороге в Баллинроб

На заседании подкомитета
по избранию самого Чистого Городка в Ирландии -
висячие урны покачиваются на солнце,
контейнеры для мусора сияют новой краской -
мы радуемся, что наш городок набирает очки,
а я чувствую себя старым. Старым и сердитым.
Где-нибудь в другом городке тоже прибираются.
Бросают детей в костер,

но те не горят,
даже если добавить бензин и пару автомобильных покрышек,
поэтому они бросают в огонь матерей...
Меня окликают: "Мистер Риди,
передаем вам материалы под грифом БД:
заросли крапивы на дороге в Баллинроб".

Дом

На площадке, где бродяги гоняют мяч,
в чреве портового города,
в объятиях незнакомой женщины,
в маленьком городке среди пропавших людей,
в сарае для сена, где держали собаку,
в звуках забытого джаза,
в георгианской гостиниой воскресным утром,
в кегельбане во время благотворительной лотереи,
на краю поля в летние сумерки,
в вокзальном кафе, когда поезд уже ушел,
среди игроков на скачках субботним утром,
в баре, где кто-то напевает песню военных времен,
в прибрежной деревушке холодной осенью,
под изгородью зимой, в компании черной коровы,
закутанной в войлок в ожидании снегопада.

С собакой воскресным утром

Чуть рассвело, мой пес занял позицию
у холодильника,
вписавшись в сложную систему образов.
Вот он лает
на фарфоровых собачек на подоконнике.
Внезапно все предметы на кухне начинают
вибрировать, словно узнав о его присутствии.
Сдвинь эстамп,
отданный тебе даром на аукционе, -
и все нарушится.
За окном волнуются зрители - деревья.
В доме же все персонажи ожидают, когда
к ним присоединится муха,

чтобы определить ей место.
Ей отведут, по-видимому,
северо-восточный угол кафельной плитки.
Старикам и маленьким мальчикам,
запертым в четырех стенах,
ведома эта гармония предметов.

Фундамент

Мы рыли землю, углублялись
в мягкую почву, выбрасывали ее
из ямы, пока не наткнулись на камень.
Он был подо всем, кроме спальни.
Ты была недовольна,
всю зиму копала глубже и глубже,
пока не дорылась до горючего торфа.
Лишенные надежды, мы заперли ворота.
Наши друзья выбирали занавески в магазине,
а ты в это время кормила коня кусочками сахара.
Каждую годовщину свадьбы мы встречаемся
и сидим на холме, дрожа от холода,
глядим на озера и горы
и думаем о том, чего нам не дано.
Вот что случается с теми, кто роет глубоко.

Восхвалим

треснутую кухонную плиту, скрипящую после дождя,
замерзшие горошины внутри сломанных игрушек,
галку на покосившемся телефонном столбе,
сырой домик с окнами на север,
полуденную тишину коридоров,
пустые детские спальни,
старика на велосипеде, едущего в закатное солнце,
камин, забитый засушенными цветами,
чудаков каждого ирландского городка.

Все утрачено, все безвозвратно утрачено.

Мне же остается возложить все заново обретенное на алтарь,
чтобы не слушать больше пустые разговоры о погоде,
когда мы лежим в густой траве у озера.

Без названия

Памяти Анны Франк

Я выхожу из музея твоего имени
в солнечный вечер.
Я чувствую себя потерянным в чужом городе
у витрины "Жареных цыплят из Кентукки",
и мне уже ничто неинтересно.
Отто не мог вытерпеть более одного повествования.
Что же до остальных персонажей,
кому-нибудь придется вырыть их из земли
и приютить на время.
Когда они оглянутся по сторонам,
им захочется вернуться в сон.
Если мы не дадим им приют, они будут видаться нам
на каждом углу, когда мы вечером идем домой.
Зароем их снова, на южном склоне холма -
так, чтобы их можно было найти.
Нам же некуда деваться,
кроме нашей реальности,
где нагие девицы высвечиваются в жарких окнах -
тоже ведь чьи-нибудь дочери,
вертящиеся на вертеле прогресса.

Впервые опубликовано в журнале «Иностранная литература» № 11, 2003

Джерард Риди (р. 1958), поэт из графства Мэйо, что на западе Ирландии. Родился в городке Уэстпорт и прожил там всю свою жизнь, кроме нескольких лет учебы в университете. В 1979 году он получил диплом дорожного инженера и в этом качестве по сей день работает в своем родном городке. Писать стихи начал в 1989 году. Книга стихов "Картинки из резервации" вышла в 1998 году, следующая - "В ожидании дорожных вех" - в 2010 году.

Gabriel Rosenstock
Гэйбриэл Розенсток

ХАЙКУ

почтовый ящик на острове
глухо стукнуло
упавшее письмо

сорока
пьет глотками
свое отражение

на блошином рынке в Вальпараисо
немецкая каска
изъеденная ржавчиной

этим ноябрьским утром
у него в ушах паутина –
бюст композитора

все, что осталось от ночи –
две вороны
на ветке

в очках слепца
отражается
заход солнца

пляж на Ахилловом острове –
цапли глазают
на туристов

солнце над Гималаями –
мой мул пьет
из Ганга

ничего не осталось
кроме ворот –
храм воздуха

Впервые опубликовано в журнале «Окно» № 1(4), 2008

Гэйбриел Розенсток (р. 1949) – ирландский поэт, живет в графстве Лимерик, живет в Дублине. Пишет на ирландском языке. Автор многих книг стихов, в том числе хайку, и прозы. Опубликовал значительное число переводов мировой поэзии на ирландский язык.

Peter Sirr
Питер Сирр

Вести из подводного царства

На нас движутся исчезнувшие континенты.
Атлантида, Атлантида,
как долго мы тебя искали!
Повергаются во прах горы, открываются великие озера,
небо – пугающая голубизна. Слышится голос:
Идите, селитесь там, налягте
на стопудовые двери.
Нам навстречу – пыль, паутина, призрачные стяги.
Мы все же входим, ложимся наземь.
Отданы концы, материк пускается в дрейф.
Горы нависают над нами темным массивом.
Долог путь, стонет от боли земля.
Плывем ли мы еще?

Мы глядим на забытые звезды, считаем их, включаем
в круг своего знания. Где-то далеко
колышутся народы, ждут от нас возвращения
с лаврами и обещаниями. Мир перестал быть
опасным местом, распахнем двери!
Люди стоят, прислушиваясь,
в руках у них наливаются тяжестью ключи,
их много, и они столь же древние,
как и те, что в руках у нас.

Впервые опубликовано в "Журнале ПОэтов" № 7(19), 2005

После экскурсии «День из истории города»

Сколько неприкаянных костей –
и ты тоже, Ивар Бескостный
великий викинг
собран теперь воедино

зловоние каких эпидемий
ощущается снова
и как же много
мест казни!

всякий предпочтет
пересечь реку
присоединиться к процессии
движущейся между рядами храма
вслед за епископом
Сэмюэлем Метрополитаном из Оксмантауна
его титул значит для них
больше, чем он сам

или скажем, вслед за Питером Льюисом
кафедральным проктором
что писал:
«Сегодня явился с подручными Тэди, кровельщик,
чтобы обновить черепицу на крыше
после рождественских снегопадов и морозов».

Мечта

Воссоздай меня из запертой книжной лавки,
из панической путаницы на полках,
где старинные автомобильчики, обманывая время,
соседействуют с руководствами по географии, домашнему ремонту,

древними монетами, божками. Вдохни воздух
в поэзию, расстели на полу одеяло и жди
когда смысл прорвется сквозь толщу
самоучителей эфиопского и арамейского.

Почти нет времени для приветствий, едва ли
унесешь в собой крохи чужого наречия,
хоть его всегда достаточно, чтобы молчать на нем
или наблюдать как пылинки разрастаются

в барханы, и по ним уже бредут
верблюды. Кто-то ведет спор
на старонорвежском, солнце просыпается
на персидском, и я выхожу на улицу

с зернами света, осколками пирамид.
Где-то в пустыне, в деревушке на вершине холма
или в многовагонном поезде на извилистых рельсах
душа снова говорит свободно, не нуждаясь в словарях.

Целебные средства

От разлития желчи – обвязать оглушенную летучую мышь
вокруг пояса, носить пока не издохнет. От эпилепсии –
насыпать светляков в незастегнутую одежду у живота,
от глухоты – львиное ухо, от меланхолии – страус,
от вожделения – ястреб-перепелятник, камфора и грелка.

От запоя – полуутопленная собачка-сучка,
проводить ее головой по сосудам против тока крови,
от тумана в глазах – мазь из яблоневых листьев,
от водянки – пирамидальный тополь, от мигрени –
алоэ, мирра, маковое масло, мука.

От бесплодия – каштаны, вьюнок, перец,
от облысения – медвежий жир, пепел соломы,
от сердца – герань, мускатный орех, от дьявола –
горячая медь, от неприятностей – осина, от насморка –
пижма, от глистов – семена вишни, от жара – мед,

земляника, рябина, сливы, сапфиры, изумруд в вине,
топаз в перстне, чтобы вытянуть яд. От блох – высушенная земля,
от ненависти – крольчиха, от молчания – море,
от гордыни – алебастр, дуб, леопард, ущербное солнце,
крадущееся в свою лачугу, ночь – всеобъемлющая,

лелеющая свой тайный алфавит...

Двери

Короли не прикасаются к дверям.

Франсис Понж

В домах изобилие дверей и плотников –
стражей входа, неутомимых изобретателей...

медная мигрень, ломота в затворах,
пощелкивание щеколды, хранимое в тайне
как старческий секрет.
Снятые с петель, двери просыпаются, их владения
растут. Плотники трудятся весь день.

Двери, с которыми борешься, двери, поддающиеся
с трудом – и другие, что открываются сами
от легчайшего вздоха. Двери

что распахиваются на рассвете – и те, в которые
люди врываются в гневе;

двери в комнаты смеха
и массивные дубовые
двери меланхолии.

«Что ты можешь взять с собой
кроме жадности рук?»

Доколе же человек будет скитаться
по коридорам собственной смерти,
пробуя дверь за дверью?

Наставление

Не пой о своем городе, оставь его как он есть.
Песня – это не движение механизмов и не секрет домов.

Карлос Драммонд де Андраде

Зримые образы –
как хлеб, отпущенный по водам:
голуби, коты,
кухонные мучения,

частная жизнь поваров,
люди в четырех стенах,
мужчина, глазающий в окно,
выхлопы автобусов...

Я гуляю в несуществующем парке
у пересохшего озера.
Вот оно, конечное ничто: долгий
сон камней,

небо, молящееся на коленях
о безмятежное покое монументов,
праздность церквей и рыбных лавок,
улицы пустоты,

тонущие тротуары,
ночи, зачумленные
призраками лебедей,
прелюбодеяния автомобилистов,

признания городских фонарей,
настойчивый,
многоголосый, деликатный
шум движущихся механизмов...

Питер Стрит

С годами я почти научился любить эту улицу,
где когда-то, куда бы я ни шел,
лицо моего отца белело в окне

и я чувствовал себя пойманным его взглядом.
Сегодня на месте больницы – стройка; я стою здесь,
глупо гляжу в пустоту, ищу это лицо.

Я почти хочу, чтобы меня не покидала эта боль,
неутолимая, тупая, подобная трещине в стене,
притаившаяся где-то внутри, между этажами,

в потайной комнате. В небе деликатно движется
подъемный кран, будто разговаривает на языке жестов.
Забудь все это, думаю я, проходя мимо,

пусть здесь будет хороший, радостный дом, с музыкой,
блуждающей по коридорам, пусть упрямое сердце Св. Валентина*
приплывет сюда из церкви на Уайтфрайр стрит

и залечит все раны, поднимет отца с кровати,
поможет ему взметнуться на унылую кирпичную стену –
и ускользнуть отсюда, унося в руках свою жизнь.

** Сердце Св. Валентина захоронено в церкви на Уайтфрайр стрит в Дублине (прим. перев.).*

Возвращение

Дороги не помнят нас,
языки не тоскуют по нашим немым ртам,

но массив города все еще стоит на костях,
и ничто не исчезло – ни единого кирпичика, запаха

или светового блика, всё на месте. Карта
уже отпечатана. Прячь ли ее, пытайся ли забыть,

все равно натыкаешься взглядом на эти улицы,
зоопарк, прачечную, которую я вижу в окне

следя за тем как мои вещи там, внизу, крутятся в барабане,
студентов, покуливающих на ступеньках библиотеки,

книжную лавку на площади, лужи
и пар от них, в котором два велосипедиста

теряют ясность очертаний и исчезают,
бутерброд на столе передо мной, чашку кофе...

Все это – возвращение к прежней жизни,
что еще не настала, что происходит сейчас,

просыпается в удивлении – и впервые выходит в город,
без карты, без всяких ориентиров,

и направляется к ярмарке...

Впервые опубликовано в журнале "Окно" № 7(10), 2011

Питер Сирр родился в 1960 году в городе Уотерфорд, переехал в Дублин по окончании школы и закончил Тринити Колледж. Его первая книга стихов «Маргинальные зоны» была опубликована в 1984. Следующие его книги – «Говори, говори» (1987), «Пути падения» (1991), «Финансовый отчет о плодотворном сотрудничестве» (1995), «Возьми все с собой» (2000), «Тем не менее» (2004) и «Дело в том...» (2009). В течение многих лет возглавлял Ирландский Писательский Центр. Был лауреатом поэтической премии им. Патрика Каванаха.

Jo Slade
Джозефина Слэйд

Ночь струится

Ночь струится вниз —
поток колышущихся звезд.
Это мир, каким он был
перед рождением дыхания и света.

Испуганная планета
смотрит сквозь пелену сна,
что прикрывает
ее глаза.

Отраженный свет растекается
по воде, прячется от ветра.
Вглядишься,
время торопится,

как будто в конце веков
оно начнется снова.
Как похоже на воду
это струение жизни!

Как похоже оно и на твердь земную,
что ждет, пока минуют
ночи нашей жизни...

Незримое

Незримое станет зримым,
когда отхлынут воды.
То, о чем вспоминаешь,
почти реально: твоя рука
у нее на лбу,
твоя рука, рисующая бровь.

Затем — по прошествии дней —
бездна, тусклые воды, камыши.
Та, что скоро придет, —
та ли она, что приходила вчера?

Истина должна погружаться в глубь.
Сперва в водоеме, затем
в заливных лугах печали.

В лесу скапливается снег

В лесу скапливается снег...
Моток шелка на камне.
По контрасту красный цвет
становится самой красотой.
Он терзает взгляд неба,
он кажется дорожкой лепестков.

Отсутствие — плод тишины.
Заяц-беляк сбежал из леса,
его след кровоточит среди сосен —
пунктирная подсказка,
возможность пути.

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Джозефина Слэйд (Джо Слэйд) — поэтесса и художница. Родилась в Англии, в Хартфордшире. В молодости переехала в Ирландию. Автор четырех книг стихов.

Joseph Woods
Джозеф Вудс

P.S.

Я здесь, чтобы восстановить силы;
из моего нового пристанища можно добросить камнем

до моря, где я гуляю вдоль берега по вечерам,
а когда настает лягушачья погода,

утешаюсь звуками коровьей переклички,
лежа на неразобранной постели, или слушаю

легкую оркестровую музыку – и шип виниловой пластинки
пытается убедить меня, что дождь усиливается.

Разводы соли на стене, быть может, дают мне совет – в
письменной форме, шелест кустарника за стеной подсказывает

совсем другое. Сегодня я буду наблюдать
за лодками, переговариваться в минорной тональности

с продавщицей мороженого и думать о том,
что всегда и везде был туристом, краткосрочным посетителем,

что утепляет комнату по старинке – уставив полки книгами.

Впервые опубликовано в Журнале Поэтов № 7(19), 2005

Цифры

Зачем перечислять обычные вещи?
Никогда не считаешь комнат

в домах, где вырос, но почему-то знаешь,
что там был тридцать один камин.

Шесть эркеров в этом доме
наблюдали шесть поколений твоей семьи,

что обитала здесь три века, и тысячелетие
как будто только что переступило порог.

Только последний век кажется завершённым,
бастион времени, видевший одно имя

на медной табличке при входе
с первого до последнего года. Дом еще стоит,

надзирая за окрестными землями.
Что же до столетий, дом знаком с четырьмя.

По другую сторону

До сих пор неотвязны
воспоминания о той пыльной дороге,
ее сухом русле.

Дорога вела к горам,
позади них была
другая страна

Мы шагали туда, как солдаты,
мы встретились по дороге,
усталые, и разговорились.

Помню джип,
мчавшийся в облаке пыли,
помню, как летние ароматы

не могли перебить
запах гниения
из канавы.

На заставе нас торопливо
развернули вспять,
хоть бумаги наши были в порядке.
И мы вернулись в то чудо,
где мы были раньше.

Забывье

Непросьхающая неделя под кровом
бара «Усталый хиппи» в гостинице «Россия»,
где каждый раз стаканчик спиртного на ночь
раскрывал глаза окон
на оружейного отлива рассветы над Кремлем
и яблоки соборных куполов на шашлычных шампурах.

Мы кромсали застольные песни и осушали
здоровье малого народа в нашей бетонной клетке
из пяти тысяч комнат, что москвичи зовут
Тараканий Кубик. В этом доме
вдали от дома поддерживался
субтропический климат.

Откуда-то из пространства между центром города
и огородиками на окраинах вплыло
умопомешательство, безумное желание разгадать
все загадки мира, и как-то ночью,
пытаясь определить сущность вещей,
мы осознали что питье – это забывье.

Утешение Звезд

Мы оставляем гостей и
выходим из комнаты
туда, где кончается крыша
и начинаются звезды,
подогретые вином,
по-прежнему старомодные.

Я отбрасываю окурок в темноту,
и выдыхаю дым, пока он описывает дугу.
Крошечный красный огонек
достигает земли и гаснет.

Мы видим, как падает
крупная звезда.
Везет же нам, думаем мы,
и начинаем подбирать названия
для пары созвездий.

Вдалеке взлетает
самолет,
его красный огонек
подтверждает,
что небо готово его
принять.

Он находит себе место,
как будто равняется по другим
небесным огням,
нацеливается пересечь
Меч Ориона,

комнатная муха
на небесном своде.

Впервые опубликовано в журнале «Окно» № 5(8), 2010

Джозеф Вудс (р. 1966) – ирландский поэт, и литературный критик, автор двух книг стихов. Редактор антологии стихов ирландских поэтов о Японии. Лауреат премии имени Патрика Каванаха (2000). Работал директором Союза Поэтов Ирландии. Живет в Дублине.

Macdara Woods
Мақдара Вудс

Странный отправитель

Говорят, он посылал ей
разрозненные части животных
к примеру лягушачьи лапки – препарированные! –
или икру в оцинкованных ведерках

и она получала все это по ночам –
лапки сов спинки аллигаторов
ракообразных из бескислородного мира
и динозавров поющих на деревьях

а он в этот час ждал своего часа
в ранних ранних рассветных лучах
грустный как всегда грустный как сама грусть

говорят он посылал ей моллюсков
и мертвецов в бутылках
игральные кости разбросанные по ковру
спички в очаге
брызги на сияющем кафеле

говорят он посылал ей
надорванные бандероли и посылки в коричневой бумаге
панцири минотавров
грибы выросшие в саду
овеваемые ветром

говорят он посылал ей
все эти холодные дары
и обрывки и кусочки своих мыслей

Опубликовано в Журнале Поэтов № 7(19), 2005

Шестнадцатая разновидность страха

Кто занавеску качнул только что?
Только лишь ветер, он любит шалить со шторами.

Кто так легко танцевал на ветру?
Только лишь блики, свет морской поутру.

Кто так беззвучно прошел в ночи?
Всего лишь дозорный, и снов его очередь.

Чье белело в окне лицо?
То ствол был мертвый, древесная кость.

Чье ощущал я тепло под холодным солнцем?
Любимой моей, что в постели, бессонная.

Кто этот странник, идущий навстречу?
Завтрашний день, что клонится уж к вечеру.

Канте Хондо

Я шел к тебе Мексика
полями дождя колючего

Видел птицу с древесными крыльями
видел парус мировращающий

Если суждено мне проснуться завтра
уйдет ли гора горизонта?

Как мне добраться до Мексики
войти в залу шафранного солнца?

В ту ночь в Мексике
на стене голубела птица

Ацтекская луна с открытыми глазами
сладкий мед ночь напролет

Пришло океанское утро серое
разъело песок дороги

Ищу я ночами Мексику
глаза мои цвета крови

Многосерийные мечтания

Вчера вечером я снова мечтал о выпивке
о том чтобы просиживать день за днем в пабах
а наутро узнавать имена своих собутыльников
в те часы когда спиртное
еще не подают

Я мечтал обо всем этом и о том чтобы годами
следовать законам надежды
о которых мерцают нам неучтенные звезды в небесах

В тот час когда люди ищут истоки мироздания
выведывают секреты благосостояния
обдумывают как получить обратно данное в долг
как встретить кончину уважаемыми, в кругу родни –
я закрываю глаза и ищу внутренним взором
сырые аллеи Рая в рассветный час

Секунданты, с ринга!

Когда Шалтай-Болтай распался на составные части
было объявлено: его соберут заново –
на фабрике «Дешевый шик»
разглядят помявшийся панцирь
склеют липкой лентой и коровьей жвачкой
применят обильное ежедневное трехразовое питание
и закаливающую склокотерапию

Конечно, будет нелегко – говорили они –
Трудно иметь дело с яйцом которым он в сущности был –
странная разновидность яйца, с устойчивой тягой
к удалым грабежам почтовых поездов
и шулерским турне по прибрежным городишкам –
нелегко это будет, говорили они
но мы сделаем из него человека

Когда в конце концов им это удалось
сей человек имел правильные формы и надлежащий вес
но ему приходилось обрывать пять тысяч цветков крокуса
чтобы придать своей коже хоть немного желтизны
В Камбодже теперь нет знаменитого желтого гуммигута
а потому сыновья в мгновение ока становятся
старше своих пришедших из космоса отцов

Ирландский посевной картофель

Он не будет здесь расти – сказал сосед
в апрельский день – ничто иноземное
никогда не растет на землях Умбрии

Римляне пытались его сажать – сообщили мы ему
Кстати, время года было неподходящее
чтобы думать о выращивании посевного картофеля

Более того, месяц над нами был «растущий»
а ведь известно: ни одно семя не примется
если оно не посажено под «стареющей» луной!

На Ранелахской дороге (уличная сценка)

Пожилой человек что сегодня
сидит на солнышке
в квартале Мандерс Террас –
тот самый
что в прошлом году остановил меня
у моей двери – сообщить новости о птицах

Без всяких предисловий
он заявил: лебеди умирают
Чуть только я открыл дверь
он бурно жестикулируя
провозгласил: лебеди умирают

Господи, лебеди умирают
лебеди лебеди лебеди

Сегодня что-то не в порядке
с крысами с окрестными
крысами что живут
в полом дереве

С крысами и еще
со стариком
что ведет свой велосипед в горку
на Ранелахской дороге –
я не видел его несколько недель –
говорит крысиный человек – и даже дольше
А вы? Видели вы его?
Куда он мог запропасться?

У старика умелые руки –
говорит крысиный человек – как-то он обломил
ветку – примерно такую –
проверил на глаз прямая ли она
и заострил ножом
оба конца а потом приладил
рукоятку
как у хоккейной клюшки
Но зачем крысиный человек
мне все это говорит?
Чего он хочет?

Он как будто отвечает мне: не знаю
но понимаете, у старика
умелые руки
и я не встречал его примерно месяц
хотя я сам много разъезжаю
а однажды
видел этого старика в Сэндимаунте
Там он знаете ли
ночует –
в Сэндимаунте, у самого моря

Да, конечно, у старика умелые руки
но зачем ему
такая вот палка?
Палка у которой
заострены оба конца
и рукоятка
как у хоккейной клюшки?

Виды русского глагола

Джузеппе Сантарелла

Вид глагола

«передвигаться»

зависит от того иду ли я пешком

или еду

или вместе с другими

сажусь в автобус

или же двигаюсь к той или иной

конечной цели

И если я передвигаюсь отсюда

куда-то «туда»

(возможно с первоначальным намерением
попасть совсем в другое место)

моя конечная цель может быть определена

в последнюю минуту –

чисто семантически

Джузеппе рассказывает мне

потому-то русские и выкрикивают

что? что?

когда их просят показать дорогу

им нужно чтобы вы конкретизировали

вид глагола

его семантику

Где-то далеко

в Лонгфорде

парень с винтовкой

держал вчера полицейских на расстоянии выстрела

всю ночь и весь день

Постреливал и включал музыку

Он очень возбужден –

зловеще сказал телекомментатор –

мы слышим громкую музыку

он включил ее на всю катушку

еще утром

Но по телевизору не говорят

что за музыку он включил

что он слушает –

они не заботятся

конкретизировать вид глагола

Глаголы «существовать» «умирать»
«любить» «слушать»... вчера вечером мы услышали:
этот парень и его музыка
«ушли»
прикончены
замерли в холодном безмолвии
конец передвижениям
музыке и глаголам

Сегодня расцвела сирень
под моим окном
мой сын Найал включил громкую музыку
он играет на ударнике
и слушает громкую музыку
весь день
где бы он ни жил

существуя среди глаголов
я верю:
сирень цветет для него

Впервые опубликовано в журнале «Окно» № 6(9), 2010

Макдара Вудс (1942 – 2018) – ирландский поэт, и литературный критик, член Ирландской академии искусств, автор шестнадцати книг стихов, последняя из которых - "Вино из артишоков" (2006). Жил в Дублине, редактировал литературный журнал "Сайферс". Его стихи переведены на двенадцать языков.

Copyright Notice: This file contains copyrighted material, including literary works. All rights reserved. You may not publish, download, upload, post on the Internet or otherwise reproduce, distribute or modify any of the contents of this file without the prior written permission from the copyright owner, except that you can print individual pages for your own use. For permissions write to: akudryavitsky[at]hotmail.com

© Anatoly Kudryavitsky, translation
© Анатолий Кудрявицкий, перевод

Все права защищены.
Перепечатка без разрешения правообладателя будет преследоваться по закону.
За разрешением обращаться:
akudryavitsky[at]hotmail.com